

О свободѣ воли.

Вопросъ о свободѣ воли существуетъ съ незапамятныхъ поръ, съ того времени какъ человѣкъ сталъ размышлять о самомъ себѣ и задумываться надъ тѣмъ, что онъ такое, какова его природа, почему и для чего онъ существуетъ, почему на немъ лежитъ отвѣтственность за его дѣла, и въ самомъ ли дѣлѣ онъ воленъ поступать и такъ и иначе, и хорошо и дурно, дѣлать или то, что считается его обязанностію или же противное тому, слѣдовательно нарушать свою обязанность? Конечно, всякому по опыту извѣстно, что во многихъ случаяхъ мы поступаемъ такъ, какъ сами *хотимъ*, а чего не *хотимъ*, того не дѣлаемъ, но не всегда такъ бываетъ. Иногда мы по принужденію, а не по своей охотѣ, дѣлаемъ одно, не дѣлаемъ другого: обстоятельства и люди вынуждаютъ насъ во многихъ случаяхъ поступать не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, а вопреки своему желанію. Да и самая обязанность не есть ли стѣсненіе нашей воли. Въдь когда говорятъ человѣку, что онъ обязанъ дѣлать то или иное, то не справляются съ тѣмъ, хочется ли ему дѣлать это, или же вовсе не хотѣлось бы, да и самъ онъ понимаетъ, что въ такихъ случаяхъ нужно отложить въ сторону свое хотѣніе или нехотѣніе: не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велѣлъ. Итакъ, повидимому, ясно, что человѣкъ одаренъ свободною волею, выраженіемъ которой служить то, что онъ можетъ хотѣть или не хотѣть, и во мно-

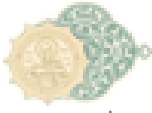

гихъ случаяхъ поступаетъ сообразно со своимъ хотѣніемъ или нехотѣніемъ, но есть много ограниченій, налагаемыхъ на нашу свободную волю и нашими обязанностями и условіями нашей жизни, которыхъ мы не въ силахъ перемѣнить, а принуждены сообразоваться съ ними, и, наконецъ, разнаго рода случайностями, которыхъ не всегда можно предусмотрѣть, чтобы подчинить своей волѣ. Однако ограниченія свободной воли не уничтожаютъ ее, а только стѣсняютъ. Да, ограниченія эти перестаютъ быть таковыми, коль скоро совпадаютъ съ добровольными нашими хотѣніями; такъ, напр., обязанность не есть уже принужденіе, какъ скоро самъ я хочу того, что велитъ мнѣ моя обязанность. Въ виду этого представляется страннымъ, какъ можно отрицать существованіе въ человѣкѣ свободной воли. Не значить ли это не примѣчать слона между букашками, не видѣть того, что ясное днѣ? Какое тутъ можетъ быть сомнѣніе, когда каждый постоянно говоритъ о себѣ: я хочу, и не хочу, и сознаетъ до очевидности, что онъ, пусть и не всегда, воленъ поступать и такъ и иначе, и даже когда дѣлаетъ что-нибудь не по волѣ, а по принужденію, то сознаніе его говоритъ ему ясно, что и въ этомъ случаѣ онъ могъ бы иначе поступить, что всегда онъ сохраняетъ, удерживаетъ въ себѣ способность поступить въ каждомъ данномъ случаѣ иначе, чѣмъ поступаетъ. Величайшіе подвижники, уже утвердившіеся въ дѣланіи добра ни на минуту не забывали, что могутъ легко сдѣлать отступленіе отъ привычнаго для нихъ образа жизни и съ высоты броситься въ бездну порока, стоитъ только сильно этого захотѣть.

И вотъ, однако, вопреки этой очевидности, повидному, ясной какъ день, вопреки несомнѣнному свидѣтельству нашего сознанія о существованіи въ насъ свободной воли, во все времена, и въ древности, были люди, сомнѣвавшіеся въ существованіи свободной воли, и теперь есть люди, которые прямо отрицаютъ свободную волю въ природѣ человѣка. И должно

сказать, что отрицающих свободную волю между образованными и учеными теперь большинство.

Уже давно разбирается серьезно вопросъ, слѣдуетъ ли наказывать преступника за содѣянное имъ зло: по природѣ своей онъ таковъ, что, совершая преступленіе, онъ не могъ иначе поступить. Да и здравый смыслъ, повидимому, подтверждаетъ такой взглядъ на человѣка, что въ сущности онъ не воленъ въ своихъ дѣлахъ; говорится вѣдь: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Есть при томъ же такъ называемые фаталисты—люди убѣжденные къ томъ, что человѣкъ во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ случаяхъ своей жизни таковъ, какимъ ему суждено быть нѣкою невѣдомою силою, именуемою судьбою: да и всѣ мы очень часто выражаемся такъ: видно его такая судьба, противъ судьбы не пойдешь. А какъ же быть съ хотѣніемъ и нехотѣніемъ; вѣдь это же и есть свобода, что я могу сообразоваться въ своихъ дѣлахъ со своимъ хотѣніемъ или нехотѣніемъ. Вотъ въ томъ то и вопросъ, говорятъ: свободны ли наши хотѣнія или нехотѣнія: хотѣть чего-нибудь это значитъ имѣть нѣкоторое влеченіе или склонность, присущую нашей природѣ. Влеченіе можетъ быть врожденное, — есть влеченія свойственныя всѣмъ людямъ по природѣ, — можетъ быть и нажитое влеченіе, однако послѣднее также несвободно, какъ и первое: недаромъ говорятъ, что привычка—вторая натура. Отъ нажитыхъ привычекъ всего болѣе зависитъ то, что люди такъ различны по своимъ характерамъ и по образу своихъ дѣйствій. Да и къ числу прирожденныхъ влеченій слѣдуетъ относить не только влеченія, свойственныя всѣмъ людямъ, слѣдов. самой природѣ человѣка, но и влеченія постепенно приобретаемыя долговременнымъ опытомъ жизни и по наслѣдству переходящія отъ одного поколѣнія къ другому; такъ образуются разные типы характеровъ, составляющіе общую принадлежность каждаго отдѣльнаго сословія, каждой профес-

сіи. Недаромъ говорятъ о породахъ не только животныхъ, но и человѣческихъ. Есть и болѣе общія различія, служащія основаніемъ для раздѣленія людей по расамъ, по племенамъ, народностямъ. Такъ вотъ стоитъ лишь подумать, сколько въ природѣ человѣка заключено разныхъ влеченій, склонностей, привычекъ и свойствъ, то болѣе общихъ, то менѣе общихъ, прирожденныхъ въ разной степени, то очень явно проявляющихся, то едва примѣтныхъ и совсѣмъ нами незамѣчаемыхъ въ себѣ, чтобы усомниться въ дѣйствительности свободы воли. Давно извѣстно, что существуютъ болѣзни, переходящія по наслѣдству, по наслѣдству же переходятъ способности, таланты. Если при всемъ томъ существуютъ индивидуальныя отличія, по которымъ каждый въ отдѣльности отличается отъ другихъ себѣ подобныхъ, то присоедините только ко всему наслѣдственному еще жизненный опытъ каждаго въ отдѣльности человѣка и тогда будетъ понятно происхожденіе личныхъ или индивидуальныхъ особенностей каждаго человѣка. Особенности эти не слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что у каждаго свободная воля и всякій особеннымъ образомъ поступаетъ по своей свободной волѣ, — одинъ такъ, другой иначе; никакой свободной воли нѣтъ, говорятъ намъ, а только непрерывно накаплиются въ природѣ каждаго влеченія и навыки, по самое накопленіе въ жизни каждаго происходитъ иначе, особеннымъ образомъ: вѣдь нѣтъ двухъ листовъ на деревѣ, которые совсѣмъ были бы одинаковы, — что жъ удивительнаго если люди такъ различны, что человѣкъ на человѣка не приходится? Итакъ, когда мы говоримъ, что поступаемъ по своей свободной волѣ, какъ сами хотимъ, то это такъ толкуютъ, что значить мы *повинуемся влеченію собственной нашей природы*, а не состоимъ во власти нѣкогорой посторонней силы. Собака, когда привязана на цѣпь, не свободна; а когда отпускаютъ ее на волю, она тогда лишь себѣ повинуется, т. е. идетъ туда, куда хочетъ, и вообще посту-

наетъ такъ, какъ хочетъ: такова же и свободная воля человека.

Что можно сказать на это разсужденіе? Повидимому, легко его опрокинуть: всякому извѣстно по опыту, что человекъ обладаетъ способностію противиться какому угодно своему влеченію, и чѣмъ сильнѣе борьба противъ такъ называемаго искушенія, т. е. извѣстной склонности или влеченія природы, тѣмъ пріятнѣе для насъ торжество, и въ чемъ иномъ состоитъ эта пріятность, какъ не въ сознаніи, что это наша заслуга, дѣлающая намъ честь, если мы устояли противъ природнаго влеченія и дѣлаемъ то, что поведѣваетъ долгъ, а не то, что намъ было бы пріятно дѣлать, къ чему у насъ есть влеченіе. Животныя никогда не противятся влеченіямъ своей природы; человекъ одинъ только обладаетъ такою способностію; и вотъ эта то способность и подразумѣвается, когда говорится о свободѣ воли. Послушаемъ теперь, что намъ на это скажутъ люди противнаго лагеря, т. е. тѣ, которые отрицаютъ свободную волю. Говорятъ они вотъ что: когда мы противимся нѣкоторому влеченію и дѣлаемъ не то, къ чему влечетъ насъ, а противное тому, то это слѣдуетъ такъ понимать, что у насъ сталкиваются между собою различныя влеченія, происходитъ между ними борьба, иногда довольно продолжительная, при чемъ мы переживаемъ самое непріятное томительное состояніе колебанія то въ одну, то въ другую сторону. Для иллюстраціи этого мучительнаго состоянія внутренняго раздора одинъ писатель придумалъ такой образъ: представьте себѣ осла, которому въ равной степени, одинаково сильно, хотѣлось бы ѣсть и нить; если бы этого осла поставить между сѣномъ и водою, то, при равенствѣ влеченій въ обѣ стороны, не могъ бы двинуться онъ ни въ одну, ни въ другую сторону: состояніе нерѣшимости происходило бы отъ равновѣсія между двумя противоположными влеченіями, которыя взаимно другъ друга парализовали бы, и оселъ долженъ бы неминуемо,

вслѣдствіе этого, погибнуть. Разумѣется въ дѣйствительности ничего подобнаго не можетъ быть, но почему? потому что полного совершеннаго равновѣсія въ такой неустойчивой средѣ, какъ организмъ живой, никогда не бываетъ, но по крайней мѣрѣ такое состояніе мыслимо, какъ мы мыслимъ математическую точку, прямую линію, кругъ, хотя въ дѣйствительности не бываетъ и быть не можетъ ни математической точки, ни прямой линіи, совершенно прямой, ни совершеннаго круга. Если же мыслимо, и притомъ съ необходимостію мыслимо, сказанное выше о такъ называемомъ Буридановѣ ослѣ, то это значитъ, что въ дѣйствительности должно быть нѣчто приблизительное тому, какъ есть приблизительная къ математической точка, есть приблизительная прямая линія, приблизительный кругъ. Именно борьба влеченій, колебательное состояніе между однимъ влеченіемъ и другимъ и есть состояніе приблизительное къ воображаемому состоянію Буриданова осла. Такъ какъ совершенное равновѣсіе влеченій невозможно въ дѣйствительности, то борьба, столкновеніе разныхъ влеченій обыкновенно оканчивается рѣшительнымъ торжествомъ одного изъ нихъ, разумѣется сильнѣйшаго. Такъ бываетъ на войнѣ: долгое время борьба враговъ происходитъ съ переменнымъ счастіемъ; то одна сторона, то другая временно выигрываетъ и беретъ перевѣсъ надъ другою, но окончательно и рѣшительно побѣждаетъ все же сторона сильнѣйшая. Найдется у насъ—защитниковъ свободы воли—отвѣтъ и на это возраженіе такъ называем. детерминистовъ, т. е. отрицателей свободы воли. Если бы дѣло такъ происходило, какъ сейчасъ представлено, то наше самосознающее я просто оставалось бы простымъ зрителемъ происходящей въ немъ или предъ нимъ борьбы разныхъ влеченій, все равно какъ въ лихорадкѣ бросаетъ насъ то въ жаръ, то въ холодъ, а наша воля тутъ не при чемъ. Подобныя душевныя состоянія дѣй-

ствительно бывают: хочется намъ и одного и другого, но мы ясно видимъ, что совмѣстить разныхъ желаній никакъ нельзя, и вотъ мы рѣшаемъ послѣдовать тому или другому влеченію; не влеченіе пересиливаетъ другое, а мы сами рѣшаемъ, наше я, или воля наша рѣшается стать на сторону одного изъ противоположныхъ влеченій,—не всегда притомъ сильнѣйшаго, но часто на сторону слабѣйшаго влеченія. Всѣмъ извѣстно, что влеченія чувственныя суть сильнѣйшія, а когда какое-либо изъ этихъ влеченій переходитъ въ страсть, то становится даже непреодолимымъ для нашей воли: человекъ дѣлается жалкимъ рабомъ своей страсти, при чемъ и самъ онъ понимаетъ, что, допустивъ въ себѣ укорениться страсти, онъ лишилъ себя чрезъ то свободной воли. Если бы сопротивленіе нашей воли нѣкоторому влеченію было лишь столкновеніемъ разныхъ влеченій, и что мы называемъ торжествомъ воли надъ слѣпымъ влеченіемъ было на самомъ дѣлѣ только господствомъ одного влеченія надъ другимъ, то и всякая страсть также казалась бы намъ господствомъ воли надъ влеченіемъ, потому что дѣйствительно въ страсти сильнѣйшее влеченіе одерживаетъ верхъ, но мы въдь не отождествляемъ, страсти съ волею. По изложенному выше толкованію нашей волевой дѣятельности, чтѣ мы называемъ волею есть только сильнѣйшее влеченіе, преодолевшее другія влеченія,—слабѣйшія. На самомъ же дѣлѣ всякая чувственная страсть есть лишеніе воли, есть рабское состояніе, почему мы и говоримъ о человекѣ, впадшемъ въ страсть, что онъ *одержимъ* страстью, что онъ не владѣетъ собою, словомъ утратилъ свою свободную волю.

Вообще рѣшимость воля ясно различается отъ простаго влеченія. Рѣшимость воли мы всегда относимъ къ своему я, къ самому центру нашей духов. личности, тогда какъ всякое влеченіе представляется намъ чѣмъ то постороннимъ для нашего я (такъ мы говоримъ, меня сильно тянетъ, но я рѣшилъ, рѣшился); и хотя бы рѣшеніе нашей воли совпало съ

нѣкоторымъ влеченіемъ, однако и въ этомъ случаѣ рѣшеніе воли ясно различается отъ простаго влеченія. Это видно изъ того, что когда сталкиваются разные влеченія, то дѣло происходитъ вовсе не такъ, или по крайней мѣрѣ не всегда такъ, какъ выше представлено, т. е. чтобы одно влеченіе само по себѣ одерживало верхъ надъ другимъ, сильнѣйшее надъ слабѣйшимъ; происходитъ въ такомъ случаѣ нерѣдко *выборъ*, и это то и есть проявленіе воли, почему свобода воли опредѣляется обыкновенно какъ свобода выбора.

Не надо забывать того, что въ дѣйствіяхъ воли большее участіе принимаетъ и важное имѣетъ значеніе разсудокъ. Нерѣдко по сложности предпринимаемаго нами дѣла на нашу волю оказываютъ вліяніе разные побужденія; сверхъ того, при выполненіи дѣла приходится принимать во вниманіе разные условія, отъ которыхъ зависитъ такое или иное направленіе его; все это требуетъ большой обдуманности. Да и вообще вся наша жизнь ставитъ предъ нами разнообразныя задачи и загадки, для разрѣшенія которыхъ нужна непрерывная умственная работа. Жизнь все болѣе усложняется и разнообразится, поэтому не всегда бываетъ удобно держаться установившихся нѣкогда рамокъ и двигаться по пробитой колѣѣ; итакъ, очевидно, для того, чтобы дѣятельность нашей воли была успѣшною, необходима при этомъ постоянная работа умственная; потому то мы такъ долго и учимся, и, послѣ школьнаго обученія, сами стараемся накапливать знанія и содержать по возможности въ бодрствennomъ состояніи нашу умъ, что дѣйствія нашей воли могутъ происходить надлежащимъ образомъ, только состоя въ неразрывной связи съ дѣйствіями умственными, мыслительными. Собственно только при надлежащемъ контролирующемъ дѣйствіи ума, и воля наша бываетъ и можетъ быть свободною, а иначе она подпадаетъ власти слѣпыхъ влеченій и привычекъ, и свобода ея ослабѣваетъ,—разумѣются при этомъ привычки не активнаго, а пассивнаго характера, напр., можно

Труды Киевск. дух. Акад. Т. I. 1905 г.

ли назвать самую работу привычкою? Собственно начало и конецъ, т. е. время продолженія можетъ быть привычно, а не самая работа; только механическая и однообразная работа можетъ стать привычною, но такая работа столь же ослабляющее дѣйствіе оказываетъ на энергію воли, какъ и всякая иная привычка (сонъ послѣ обѣда, разнаго рода развлеченія въ урочное время).

Итакъ, существенное значеніе въ волевой дѣятельности имѣетъ умъ, работа разсудка (обдумываніе, расчетъ). На этомъ основаніи различаютъ въ дѣятельности человѣческой воли (практической) двоякую сторону—формальную, относимую къ разсудку, и сторону матеріальную, состоящую въ разнаго рода влеченіяхъ, побужденіяхъ, иначе называемыхъ *мотивами*. Разсмотримъ же дѣятельность воли съ той и другой стороны, имѣя постоянно въ виду свою цѣль—рѣшеніе вопроса о свободѣ воли.

Разсудокъ большое участіе принимаетъ въ дѣйствіяхъ воли, рассчитывая, взвѣшивая и соображая разные способы и средства къ достиженію предположенныхъ цѣлей, оцѣнивая и самую цѣль. И тотъ же разсудокъ, какъ сила рефлексивная, служитъ для насъ органомъ познанія о нашей волѣ; пользуясь разсудкомъ, мы только и можемъ разобраться въ сложныхъ и потаенныхъ ходахъ нашей воли. Выше сказано о томъ, что существуетъ всегда множество разнообразныхъ влеченій. Разсудокъ сводитъ всѣ ихъ къ одному началу—къ *эгоизму*.

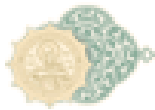
Было сказано, что рѣшимость воли мы относимъ къ своему я. Но это значитъ, что наше я служитъ центромъ въ рѣшеніяхъ нашей воли; отъ нашего я и къ нашему я направляется воля въ своихъ рѣшеніяхъ. Вотъ поэтому то довольно часто повторялось и многими признается безспорнымъ положеніе, что основнымъ началомъ нашей дѣятельности, во всѣхъ проявленіяхъ нашей воли служить эгоизмъ;

чтобы оцѣнить должнымъ образомъ это положеніе, необходимо прежде всего отклонить важное недоразумѣніе. Конечно всякое рѣшеніе отъ нашего я исходитъ,—иначе и быть не можетъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ всякое рѣшеніе и направлялось къ тому же я, имѣло своимъ предметомъ то же самое я, этого нельзя утверждать. Напротивъ, часто бываетъ что предметъ нашихъ заботъ и усилій не имѣетъ никакого отношенія къ нашему я, напр., благосостояніе общества въ далекомъ будущемъ, столь отдаленномъ, что мы никакъ не можемъ рассчитывать сами насладиться плодами своихъ усилій; часто насъ интересуетъ то, отъ чего мы не можемъ ожидать для себя никакой выгоды; бываетъ, что человекъ въ заботахъ о благѣ другихъ, или же объ успѣхѣхъ какого-либо дѣла совсѣмъ забываетъ себя, и даже вредитъ себѣ (разстраиваетъ здоровье, истощаетъ силы) и вотъ ухитряются и во всѣхъ подобныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности находить эгоистическую подкладку для того только чтобы показать, что нашею волею всегда заправляетъ нѣкоторое необходимое для насъ начало и слѣдовательно она не свободна. Говорить, что если человекъ хлопочетъ о такомъ дѣлѣ, которое, повидимому, не касается его личныхъ интересовъ и не имѣетъ съ ними связи, то очевидно въ исполненіи этого дѣла, въ успѣхѣхъ его онъ находитъ для себя нѣкоторое удовольствіе или ожидаетъ такового, а это уже есть чисто эгоистическій мотивъ. Когда толкуютъ такимъ образомъ эгоизмъ, что разумѣютъ подъ этимъ названіемъ даже самыя безкорыстныя чистыя и невинныя радости и удовольствія, то слѣдуетъ по справедливости отнести таковое толкованіе того, что называется эгоизмомъ, къ софистической игрѣ словами. Для устранения подобной софистики воспользуемся такимъ нагляднымъ представленіемъ. Пусть наше я составляетъ центръ, изъ котораго исходятъ всѣ наши стремленія и интересы; стремленія эти, доходя до своего крайняго предѣла, т. е. до своихъ цѣлей, составляютъ окружность, сферу

нашего я. Теперь дѣло въ томъ, что сфера эта у разныхъ лицъ очень различна: у однихъ она очень узка и ограничена, охватываетъ лишь самыя ближайшія жизненные отношенія, такіе люди пекутся о маломъ; у другихъ же эта сфера несравненно шире: мысли и заботы таковыхъ простираются очень далеко; у иныхъ же, пожалуй, расширяется она, можно сказать, въ бесконечность. Ужели всѣ подобныя, очень существенныя различія можно игнорировать, говоря, что всѣ люди эгоисты? Положимъ, скажутъ, что какой бы широты не была сфера, имѣющая своимъ центромъ человеческое я, или личность человѣка, а все же ближайшее къ этому я должно быть важнѣе всего остального; не даромъ говорится: своя рубашка ближе къ тѣлу. Но вѣдь и ближайшее къ нашему я, въ зависимости отъ большей или меньшей широты принадлежащей этому я сферы, бываетъ далеко неодинаково: одинъ, напр., ищетъ въ жизни только удовольствій, развлеченій; другой заботится о томъ, что считаетъ для себя полезнымъ, и эта одна забота уже научаетъ осторожности, какъ бы не сдѣлать вреда другимъ, ибо отъ этого свои интересы могутъ пострадать, а иной заботится о чести своего имени, о своемъ достоинствѣ. Такимъ образомъ и ближайшее къ нашему я различно понимается и далеко не равную имѣетъ цѣну.

Сказанное сейчасъ относится къ матеріальной сторонѣ нашей дѣятельности, именно къ мотивамъ ея, которые нерѣдко всѣ сводятся къ одному началу—къ эгоизму. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію формальной ея стороны.

Разсудокъ, какъ было сказано, собственно и составляетъ формальный элементъ въ нашей дѣятельности. Между тѣмъ, разсудокъ все познаваемое имъ и обсуждаемое признаетъ подчиненнымъ нѣкоторой непреодолимой необходимости. Существованіе этой необходимости повсюду въ мірѣ дѣйствительно оправдывается научнымъ изслѣдованіемъ, которымъ давно уже открыты и общіе законы повсюду дѣй-

ствующіе, какъ законъ тяготѣнія, а также спеціальныя законы химическіе, физическіе, физиологическіе, психологическіе и многіе другіе. Этого мало: есть такое разсудочное понятіе всеобщей приложимости котораго, мы не можемъ сомнѣваться, а между тѣмъ понятіе это выражаетъ естественнубѣжденіе нашего разума, что во всѣхъ перемѣнахъ дѣйствительности господствуетъ необходимая связь, по которой послѣдующее производится предшествующимъ. Это есть понятіе *о причинности*. Называютъ это понятіе еще закономъ причинности. Законъ этотъ выражается въ такомъ положеніи: всякая перемѣна должна имѣть свою причину причемъ такъ какъ всякая причина тоже есть не что иное какъ перемѣна, то слѣдовательно для всякой данной причины должна быть другая предшествующая ей причина т. д. Примѣнимъ теперь это понятіе причинности къ дѣятельности нашей воли. Что оказывается? Для всякаго нашего хотѣнія должна быть причина, которая принудила насъ хотѣть этого, а не иного чего-нибудь: мы можемъ не замѣчать причины дѣйствующей въ извѣстномъ случаѣ на нашу волю, и тѣмъ не менѣе эта причина должна быть, и вѣдь ничего не бываетъ безъ причины. Собственно отъ незнанія причинъ, движущихъ нашу волю и происходитъ говорятъ, ложная увѣренность въ томъ, что воля наша свободна. Причинъ дѣйствующихъ въ нашей душѣ такъ много и эти причины такъ мало замѣтны, что неудивительно, если онѣ ускользаютъ отъ нашего вниманія, и вотъ потому только, что мы не замѣчаемъ скрытыхъ отъ насъ пружинъ заправляющихъ нашею волею, намъ и кажется, что воля наша свободна, что она ничему не подчинена, а единственно своему изволенію, т. е. вполне свободно, рѣшаетъ всег такъ или иначе.

Правда, воля обыкновенно проявляется какъ свободный выборъ. Это значитъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя причины, при томъ, конечно, важнѣйшія, дѣйствующія на насъ

лю, мы замѣчаемъ; итакъ, не состоитъ ли свобода нашей ли въ томъ, что мы дѣлаемъ выборъ между причинами, предоставляя одной причинѣ дѣйствовать, а другія причины тавляемъ бездѣйственными въ отношеніи къ нашей волѣ? Бѣ мы нерѣдко такъ выражаемся, что, по такой то причинѣ, мы нашли нужнымъ рѣшить это дѣло такъ. На это имъ говорятъ, что и для нашего выбора такъ назыв. мотивъ, т. е. причинъ, побуждающихъ дѣйствовать или тавъ или инымъ образомъ, опять таки должна быть нѣкоторая причина, и стало быть, самый актъ выбора все же лзя считать свободнымъ. Утверждая, такимъ образомъ, еобщность закона причинности, детерминисты, т. е. люди рицающіе свободу воли, полагаютъ поэтому, что всѣ историческіе событія и факты, такъ же, какъ и явленія природы, должны происходить по нѣкоторымъ необходимымъ законамъ, а всѣ историческіе дѣятели, которыхъ принято ославлять, не болѣе, какъ слѣпыя орудія, посредствомъ которыхъ, невѣдомо для нихъ самихъ, т. е. для этихъ дѣятелей, выполняются таковыя законы. Въ доказательство существованія необходимыхъ законовъ не только въ явленіяхъ природы, въ чемъ никто не сомнѣвается, но и въ дѣйствіяхъ человѣческой воли, что до сихъ поръ, говорятъ, для многихъ было ясно, и что все - таки недостаточно признается, ылаются на выводы статистики, показывающіе будто бы сподство неизмѣнной правильности въ такихъ событіяхъ фактахъ человѣческой жизни, которые на первый взглядъ, въ особенности взятые отдѣльно, а не въ совокупности, редставляются вполнѣ случайными. Таковы случаи рожденій, мертей, браковъ; изъ года въ годъ эти случаи повторяются иблизительно въ томъ же числѣ съ замѣчательнымъ постоянствомъ; даже такіе факты, какъ количество писемъ зъ адресовъ, факты, обязанные своимъ происхожденіемъ иинственно расхѣянности или забывчивости, также оказы-

ваются подчиненными определенному закону, ибо также правильно повторяются.

Имѣя это въ виду, известный англійскій писатель *Бокль* попытался отступить отъ общепринятаго способа писанія человѣческой исторіи, и составить историческое изслѣдованіе по новому плану, именно задумавъ открыть законы по которымъ съ необходимостію совершается теченіе историческихъ событій; предразсудокъ о свободной волѣ отбросить; такъ называемыхъ героев исторіи оставить безъ вниманія; вообще воздерживаться отъ всякаго одобренія и порицанія дѣлъ человѣческихъ, а разсматривать ихъ такъ, какъ бы это были простыя явленія природы. Требовалось, значитъ, изъ исторіи человѣчества сдѣлать одну изъ наукъ естественныхъ. Положимъ Бокль никакихъ историческихъ необходимыхъ законовъ, вполне достаточныхъ для обозрѣнія и изъясненія фактовъ исторической жизни не открылъ, по все-таки цель: было сомнѣваться въ существованіи таковыхъ самодѣйствующихъ законовъ въ исторіи послѣ того, какъ еще ранѣ Бокля Контъ, французскій философъ, также признавалъ историческія явленія жизни человѣческой подлежащими необходимымъ законамъ, и для изученія этихъ законовъ проектировалъ даже новую науку—*соціологию*. Нельзя сказать, чтобы эта наука родилась подъ счастливой звѣздой. Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ; во всѣхъ странахъ Европы въ Америкѣ усердно принялись за разработку новой науки. Страшно много написано по этой наукѣ; не отстаемъ мы отъ Западной Европы и Америки въ этомъ дѣлѣ: не только научнымъ образомъ, но и въ литературныхъ произведеніяхъ проводится также идея о существованіи необходимыхъ законовъ въ историческихъ событіяхъ, вообще въ дѣлахъ человѣческихъ и въ судьбѣ людей. Достаточно указать на известнаго французскаго писателя Золя, а у насъ на графа Л. Толстого, который въ своемъ романѣ „Война и миръ“ пространно

разсуждаетъ о свободѣ воли и о существованіи необходимыхъ законовъ человѣческой дѣятельности, исключаящихъ возможность свободной воли, примѣнивъ эту теорію къ дѣйствіямъ Наполеона въ эпоху отечественной войны.

Вотъ сколько понадобилось усилій и средствъ, чтобы устранить такъ называемый предразсудокъ о свободѣ воли.

Теперь мы должны разобрать приведенные доводы противъ существованія свободы воли.

Скажемъ сначала о законахъ необходимости и затѣмъ о причинности, какъ общей формулѣ необходимаго закона.

Вездѣ есть и дѣйствуютъ съ необходимостію общіе законы. Ужели только дѣятельность нашей воли изъята изъ этого общаго порядка вещей? Въ такомъ случаѣ получилось бы двойство, недопустимое въ мірѣ, которому свойственны должны быть единство и цѣльность. Да существуютъ и для дѣятельности нашей воли опредѣленные законы. Но только слѣдуетъ различать этого рода законы отъ необходимыхъ законовъ природы; они всегда и различались и различаются подъ названіемъ *правилъ*. Правила не то, что законы природы; правила только направляютъ нашу волю, но не принуждаютъ. Правило мы можемъ и нарушить, а законы природы, какъ необходимо дѣйствующіе, ненарушимы. Во всякомъ обществѣ есть законы, но эти законы устанавливаютъ для себя сами же люди. Правда, что основаніе для нихъ заключается въ независимыхъ отъ воли свойствахъ природы человѣческой, а также въ необходимыхъ условіяхъ общегитія; но нельзя сказать, чтобы и самые законы, устанавливаемые людьми, были столь же необходимы; напротивъ, при установленіи ихъ всегда предвидится возможность какъ исполненія, такъ и неисполненія. Кромѣ человѣческихъ, есть законы Божескіе, но и эти послѣдніе не сами по себѣ дѣйствуютъ, а не иначе, какъ чрезъ свободную человѣческую волю и для нея именно предназначены. Заповѣди, данныя

Богомъ предложены для свободнаго исполненія, ибо въ нихъ указываются и награды исполняющимъ.

Здѣсь надо вспомнить сказанное объ эгоизмѣ, какъ основномъ началѣ человѣческой дѣятельности.

Допустимъ даже, что въ основаніи человѣческихъ поступковъ лежитъ эгоизмъ. Однакожъ большая разница между чисто животнымъ эгоизмомъ, дѣйствующимъ слѣпо и непреодолимо, и эгоизмомъ человѣческимъ диктующимъ для свободнаго исполненія воли человѣческой нѣкоторыя правила. Кош скоро человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ сообразуется съ нѣкоторымъ общимъ правиломъ,—пусть даже это правило будетъ внушено эгоизмомъ, то о такомъ человѣкѣ мы говоримъ, что онъ обладаетъ опредѣленнымъ характеромъ, что это съ характеромъ человѣкъ. А это значитъ, что его воля не вдается слѣпо и безъ оглядки во власть случайныхъ, мимолетныхъ впечатлѣній и душевныхъ расположеній, а господствуетъ надъ ними и дѣйствуетъ съ расчетомъ, слѣдовательно, по нѣкоторому плану, а это уже и есть свободное дѣйствіе.

Но вѣдь причинность одинаковый имѣетъ смыслъ, прилагаемъ ли мы это понятіе къ явленіямъ природы или же къ дѣйствіямъ человѣческой воли? Не совсѣмъ такъ. Причинность въ сферѣ человѣческой дѣятельности получаетъ характеръ *цѣлесообразности*, телеологіи: цѣль называется причиною конечною въ томъ смыслѣ, что осуществленіе цѣли составляетъ конечный пунктъ въ развитіи по извѣстному плану и правилу человѣческой дѣятельности: но въ этомъ своемъ значеніи, какъ пунктъ конечный, причина уже теряетъ свойство необходимости, ибо осуществленіе цѣли зависитъ отъ свободной человѣческой воли: цѣль поставлена, но она можетъ и не осуществиться вовсе, или же осуществленіе ея можетъ быть не доведено до конца. Поэтому то цѣли различаютъ отъ причины въ собственномъ смыслѣ, именно: отъ *конечныхъ причинъ* (цѣлей) различаютъ при-

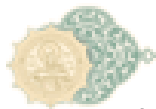
чины *дѣйсвуюція*, разумѣя подѣ этимъ послѣднимъ названіемъ силы природы, такъ какъ силы природы непрерывно дѣйствуютъ, тогда какъ въ области жизненныхъ явленій дѣятельность ихъ прерывается и смѣняется покоемъ, бодрствованіе—сномъ. Цѣлесообразность есть свойство, принадлежащее всѣмъ живымъ существамъ, однако только человѣкъ обладаетъ свободною волею. Это потому, что человѣкъ не только цѣлесообразно, но и сознательно дѣйствуетъ, т. е. съ сознаниемъ своей цѣлесообразности, по идеѣ цѣли, которая такимъ образомъ, дана въ человѣкѣ въ качествѣ идеи, прежде нежели сдѣлается фактомъ, дѣйствительностію; у животныхъ же, цѣлесообразность обыкновенно безсознательная, не соединяется съ идеей цѣли, какъ это видно изъ того, что животныя всегда одинаково выполняютъ свои цѣлесообразныя дѣйствія и выполняютъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ непрерывно дѣйствующимъ силамъ природы, человѣкъ же, можно сказать,—каждый въ отдѣльности, имѣя ту же цѣль, различно видоизмѣняетъ выполненіе ея.

Такъ какъ въ дѣятельности человѣка главное значеніе имѣютъ конечныя причины, то этимъ самымъ совершенно устраняется та мысль, что будто, только по незнанію причинъ (скрытыхъ) нашихъ дѣйствій, мы считаемъ себя обладающими свободною волею. Мы ясно видимъ зависимость своихъ поступковъ отъ цѣлей, которыя мы сами же для нихъ предназначаемъ, такъ что эта наша зависимость отъ цѣлей есть въ сущности зависимость отъ воли, полагающей эти цѣли, т. е. отъ самихъ себя, а въ этомъ и состоитъ свобода воли. Причемъ же тутъ скрытыя отъ насъ и невѣдомыя нами причины нашихъ поступковъ? Если бы дѣйствительно въ нашемъ организмѣ были неизвѣстныя намъ причины такого свойства, что онѣ принудительно дѣйствовали бы на нашу волю и всѣ наши поступки производились

бы съ непреодолимою необходимостію, въ такомъ случаѣ какъ мы могли бы съ полною свободою и непринужденностію задаваться, иногда по крайней мѣрѣ, разными цѣлями и выполнять ихъ по своему усмотрѣнію. Въдѣ роковая власть надъ нами невѣдомыхъ намъ причинъ не допустила бы насъ до этого. Да и самое невѣдѣніе повсе уже не можетъ такъ много значить, какъ хотятъ насъ увѣрить въ томъ, когда утверждаютъ, что, только по незнанію причинъ своихъ поступковъ, мы приписываемъ себѣ свободную волю. Выходить, что идея свободной воли есть не что иное, какъ порожденіе незнанія, невѣжества, по такъ ли? Сколько есть явленій въ природѣ, производимыхъ, можно сказать, безконечнымъ множествомъ скрытыхъ и невѣдомыхъ намъ малыхъ причинъ, и однако мы не думаемъ, что такія явленія происходятъ произвольно, по свободной волѣ. Хотя бы и были намъ неизвѣстны причины нѣкоторыхъ явленій природы, и самые законы, по которымъ причины эти съ необходимостію дѣйствуютъ, однако мы не сомнѣваемся въ существованіи такихъ причинъ и законовъ и вовсе не думаемъ предполагать, вмѣсто нихъ свободную волю.

Впрочемъ, это очень давній аргументъ противъ свободы воли, будто свобода воли не что иное какъ иллюзія воображенія, происходящая отъ незнанія причинъ нашихъ поступковъ,—говоримъ, что это аргументъ давній (Спиноза). Теперь же ссылаются на статистическіе выводы, будто бы съ несомнѣнностію удостоверяющіе насъ въ томъ, что надъ нашими поступками господствуютъ нѣкоторые необходимые законы, вполне исключаютъ всякую возможность свободной воли. Когда мы представляемъ въ отдѣльности разные поступки, то они кажутся намъ произведенными свободною волею и въ практической жизни мы такъ ихъ и обсуждаемъ. Но стоитъ лишь встать на научную точку зрѣнія, имѣющую дѣло не съ отдѣльными фактами, а съ огромными ихъ мас-

сами, какъ иллюзія свободной воли тотъ-часъ исчезаетъ. Да это и понятно. Вѣдь никакой человѣкъ не есть существо вполне изолированное; каждый принадлежитъ къ извѣстной общественной средѣ оказывающей непрерывно на него свое могучее воздѣйствіе; каждый есть дитя своего народа, съ тѣми же свойствами характеристическими для этого народа. Каждый путемъ рожденія и воспитанія наследуетъ множество всякаго рода навыковъ, прѣдрасположеній, идей, обычаевъ, до него выработанныхъ и установившихся. Однимъ словомъ, не только въ колыбели, будучи дитятей, но и въ продолженіе всей жизни каждый человѣкъ осягается повитымъ и связаннымъ отъ головы до ногъ, и такъ называем. свобода воли ничѣмъ не лучше тѣхъ игрушекъ, которыми забавляютъ и утѣшаютъ дѣтей, когда хотятъ отвлечь ихъ вниманіе отъ ихъ стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ и зависимаго положенія. Сколько угодно можно разсуждать въ этомъ направленіи и доказывать, напр., что въ исторіи такъ называем. гениальные великіе люди всѣмъ были обязаны своему времени, что въ ихъ идеяхъ и дѣлахъ ничего такого нѣтъ, что было бы исключительно личною ихъ собственностію, и все-таки при свѣтѣ истины всѣ подобныя разсужденія и аргументы разлетаются, какъ карточные домики. Что касается, во-первыхъ, статистическихъ выводовъ, то они устанавливають правильность въ такого рода случаяхъ, обстоятельствахъ и явленіяхъ жизни, которыя собственно и не относятся къ области произвольныхъ дѣйствій въ собственномъ смыслѣ, а если и относятся, то въ самой малой степени; таковы: рожденіе, смерть, бракъ, случаи заболѣваній, при распространеніи болѣзни какой-либо и под. Статистика можетъ ли заглядывать въ душу человѣка и подсматривать его чувствованія, помышленія, намѣренія, можетъ ли она обозрѣвать убѣжденія людей, затѣмъ, можетъ ли быть извѣстно статистикѣ, кто какъ относится къ своимъ обязанностямъ и какъ ихъ испол-

няеть. Даже относительно дѣлъ, производимыхъ совершенно открыто, на виду у всѣхъ, о внутреннемъ состояніи самихъ дѣателей никому ничего не можетъ быть извѣстно дотолѣ, пока случай или собственное признаніе исполнителя таковыхъ дѣлъ того не обнаружатъ; таковы торгovyя, вообще денежныя, дѣла. Не статистика, а литература пытается изображать эту болѣе интимную и близкую къ свободной волѣ челоуѣка сторону его жизни и дѣятельности, но и литература отмѣчаетъ лишь общія, наиболѣе типичныя, черты характеровъ и дѣлъ, не въ состояніи будучи уловить нерѣдко очень важныя и существенныя разности, какъ имѣющія личный волевой характеръ. Относительно великихъ историческихъ дѣателей кому неизвѣстно, что долгое время они иногда оставались вовсе неоцѣненными, да и послѣ того спустя много времени, даже столѣтій и тысячелѣтій, все еще приходится встрѣчаться съ разными сужденіями критиковъ и историковъ о дѣятельности тѣхъ же лицъ и неодинаковыми оцѣнками характеровъ и свойствъ этихъ лицъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ естественныхъ наукахъ, всегда имѣющихъ дѣло съ предметами и существами, лишенными свободной воли: здѣсь приуроченіе даннаго предмета къ извѣстному классу, къ извѣстной категоріи рѣшаетъ все дѣло: когда я скажу, что данное животное есть млекопитающее изъ породы травоядныхъ, жвачныхъ, то вы уже знаете, что думать объ этомъ животномъ; ничего загадочнаго въ немъ нѣтъ для васъ; когда же я скажу, что этотъ челоуѣкъ есть писатель, философъ, математикъ, администраторъ, то удовольствуетесь ли вы такими названіями и много ли они значатъ для васъ? Какъ ни велико вліяніе среды общественной, все же отъ челоуѣка зависитъ, отъ его характера то, какъ онъ относится къ этому вліянію; онъ можетъ и противостоять ему и поддаваться: вѣдь съ развитымъ и просвѣщеннымъ умомъ челоуѣкъ имѣетъ возможность познавать это вліяніе среды,

давать себѣ отчетъ въ немъ, оцѣнивать его и сообразно тому согласоваться съ нимъ или ему противиться. И эту свою способность встрѣчать постороннее вліяніе такимъ или инымъ свободнымъ воздѣйствіемъ на него человѣкъ усваиваетъ даже бездушнымъ вещамъ. Такъ химическое соединеніе тѣлъ называется реакціей въ томъ смыслѣ, что, при дѣйствіи одного тѣла на другое, послѣднее, въ свою очередь, дѣйствуетъ на первое, такъ что въ сущности всякое вліяніе есть обоюдостороннее, а не одностороннее, есть не дѣйствіе просто, а взаимодействие и причинность обыкновенно понимается въ смыслѣ взаимодействия.

Выше сказано, что наша воля не изъята отъ дѣйствій причинъ, такъ что причинность дѣйствительно имѣетъ значеніе всеобщаго начала, или, пожалуй, закона. Но только причины, которымъ надлежитъ дѣятельность нашей воли, не столько дѣйствующія, сколько конечныя, т. е. цѣли—*свободно* нашею волею полагаемыя или принимаемыя и свободно же ею выполняемыя. Вотъ что можно противъ этого сказать: конечныя причины или цѣли называются идеальными, въ томъ смыслѣ, что цѣли, прежде своего осуществленія, существуютъ только въ нашей мысли въ видѣ идеи. И пока цѣль имѣется только въ видѣ идеи, то еще неизвѣстно осуществится ли она; не всегда это въ нашей власти. Кромѣ того, предположенныя цѣли могутъ быть мечтательныя, пустыя, праздыя. Положимъ, захочу я сдѣлаться богатымъ, знатнымъ, развѣ подобныя желанія такъ сейчасъ и исполняются—стоитъ только захотѣть? Не очевидно ли, что несравненно важнѣе реальныя причины, причины дѣйствующія; отъ нихъ все зависитъ, такъ что если я хочу, чтобы мои намѣренія и цѣли не были пустыми мечтами, по могли бы перейти въ серьезное дѣло, осуществиться, то я долженъ ихъ сообразовать съ причинами дѣйствующими, т. е. я долженъ хотѣть только того, что исполнимо, а это зависитъ

отъ причинъ дѣйствующихъ, отъ условій моего существованія. Въ виду такой безспорной важности дѣйствующихъ причинъ—не цѣлей, а причинъ предшествующихъ и для дѣятельности воли, очевидно, надо признать господство этого рода причинъ и надъ нашею волею; гдѣ же тогда мѣсто для свободы, мыслима ли *свобода* воли?

Да, воля наша не изъята и отъ причинъ дѣйствующихъ, реальныхъ. Поэтому мы должны сказать, что въ области нашей воли, въ ея проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, происходитъ постоянное взаимодействіе двоякаго рода причинъ—конечныхъ и начальныхъ, идеальныхъ и реальныхъ. Приходится приспосабливать цѣли, идеи, къ реальнымъ условіямъ дѣятельности; но не надо забывать того, что воля человѣческая постепенно измѣняетъ по своимъ идеямъ и самыя эти реальные условія жизни: человѣкъ овладѣваетъ силами природы и заставляетъ ихъ служить себѣ орудіями, измѣняетъ порядки жизни. Въ доказательство правильности въ человѣческихъ поступкахъ, независимой отъ человѣческой воли, ссылаются на показанія статистики. Между тѣмъ, та же статистика свидѣтельствуетъ и въ пользу свободы человѣческой воли, ибо на основаніи статистическихъ выводовъ зная положеніе вещей, стараются измѣнить это положеніе къ лучшему; подобнаго рода усилія не остаются безплодными, а чрезъ то воля человѣческая является причиною измѣненія въ будущемъ самихъ статистическихъ выводовъ. Итакъ, мы видимъ ясно, что какъ бы наша воля ни была стѣснена и окружена посторонними для нея и дѣйствующими на нее силами, а все же внимательный анализъ показываетъ, что господствующая и рѣшающая сила ей принадлежитъ, что она составляетъ послѣднюю инстанцію въ ряду всякихъ иныхъ дѣятелей. Рядъ причинъ дѣйствующихъ и реальныхъ не можетъ простирается въ безконечность, но должна быть *пертая* причина, отъ которой нисходитъ и къ

которой восходитъ рядъ другихъ причинъ. Гдѣ же эта первая причина? Если мы возьмемъ всѣ причины дѣйствующія въ мірѣ, то для таковой совокупности причинъ первую причиною служитъ воля Божія. Но если мы возьмемъ дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, разумѣется, при нормальномъ дѣйствіи всѣхъ его силъ, то, очевидно, первую причиною для этой дѣятельности, для дѣятельности отдѣльнаго человѣка, и только для него, служитъ *его свободная воля*. Ясное дѣло, что, будучи первую причиною для самого человѣка, свободная его воля должна имѣть ближайшее отношеніе къ той безусловно свободной волѣ, которая есть первая причина для всѣхъ причинъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, т. е. къ волѣ божественной. И вотъ это отношеніе и взаимодѣйствіе между волею Божіею и волею человѣческою, какъ одинаково первыми причинами, открывается въ человѣческой совѣсти. Только что мы назвали свободную человѣческую волю послѣднею рѣшающею инстанціей въ ряду условій человѣческой дѣятельности. Это значеніе дѣйствительно принадлежитъ нашей волѣ, но лишь постольку, поскольку она опирается на совѣсти, и исходитъ отъ совѣсти.

Итакъ, воля Божія свободна по отношенію ко всѣмъ причинамъ, дѣйствующимъ въ мірѣ, а человѣческая воля свободна въ предѣлахъ своей человѣческой дѣятельности; а каковы эти предѣлы, это зависитъ отъ свойствъ природы человѣка и его положенія. Но человѣкъ же можетъ владѣть и на свою природу, постепенно усовершеншая ее, а тѣмъ болѣе—на положеніе свое, стремясь къ тому, чтобы это положеніе сдѣлать по возможности удобнымъ для развитія своей свободной дѣятельности. Выраженіемъ этого стремленія служатъ, напр., требованія свободы слова и мысли, свободы совѣсти.

II. Липицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).